

УДК 81.373.211.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-641-649

Сопоставительный анализ хантыйских и русских топонимов с семантикой пространства (на примере Нижнего Прииртышья и Нижнего Приобья)

Ю. В. Исламова

*Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
islyv@yandex.ru*

М. Г. Бакшеева

*Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
Baksheeva.Marina@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Работа выполнена в рамках контрастивной лингвистики. Обращение к данной теме обусловлено интересом современного языкознания к различным языковым картинам мира, национальной специфике языкового мышления, вниманием к категоризации языка.

Актуальность исследования объясняется необходимостью описания языковой репрезентации категории пространства в разнотипных языках как составляющей языковой картины мира человека. Объектом исследования являются топонимы с пространственной семантикой хантыйского и русского происхождения. Предметом – черты сходства и различия в пространственной топонимии хантыйского и русского языков.

Цель: выявить наиболее существенные сходства и различия в хантыйских и русских топонимах со значением пространства.

Материалы исследования: полевые материалы авторов.

Результаты и научная новизна. Выявлены пространственные модели в топонимии хантыйского и русского происхождения, описаны лексические и грамматические средства выражения семантики пространства, определены схожие и различные черты. Основными совпадениями являются: привлечение лексических и грамматических средств в топонимобразовании, наличие пространственных моделей «Верх-низ», «Стороны горизонта/пространственные координаты», «Близость-удалённость/расположение объектов по горизонтали». Основные различия касаются широты регулярности пространственных моделей в топонимии, средств репрезентации изучаемой категории. Новизна исследования заключается в том, что в работе впервые осуществляется сопоставительный анализ категории пространства в хантыйской и русской топонимии.

Ключевые слова: топоним, семантика пространства, локативность, Нижнее Прииртышье, Нижнее Приобье, хантыйский язык, русский язык.

Для цитирования: Исламова Ю. В., Бакшеева М. Г. Сопоставительный анализ хантыйских и русских топонимов с семантикой пространства (на примере Нижнего Прииртышья и Нижнего Приобья) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. №. 4. С. 641–649.

Comparative analysis of Khanty and Russian toponyms with the semantics of space (on the example of the lower Irtysh region and the lower Ob region)

Yu. V. Islamova

*Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
islyv@yandex.ru*

M. G. Baksheeva

*Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
Baksheeva.Marina@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the work is carried out within the framework of contrastive linguistics. The appeal to this theme is due to the interest of modern linguistics to various linguistic pictures of the world, the national specifics of language thinking, attention to the categorization of language.

The relevance of the research is explained by the need to describe the linguistic representation of the category of space in different structural languages as a component of the linguistic picture of the human world. The object of the study is toponyms with spatial semantics of Khanty and Russian origin. The subject is the similarities and differences in the spatial toponymy of the Khanty and Russian languages.

Objective: to identify the most significant similarities and differences in the Khanty and Russian toponyms with the meaning of space.

Research materials: field records of the authors. The paper analyzes more than 150 toponymic units.

Results and novelty of the research: spatial models in toponymy of Khanty and Russian origin are revealed; lexical and grammatical means of expression of the semantics of space are described; similar and different features are determined. The main coincidences are: the use of lexical and grammatical means in formation of toponymy; the presence of spatial models «top – bottom», «sides of the horizon / spatial coordinates», «proximity – remoteness / location of objects horizontally». The main differences relate to the breadth of regularity of spatial models in toponymy, the means of representation of the category under study. The novelty of the research lies in the fact that for the first time a comparative analysis of the category of space in the Khanty and Russian toponymy is carried out.

Key words: toponym, semantics of space, locativity, Lower Irtysh region, Lower Ob region, Khanty language, Russian language.

For citation: Islamova Yu. V., Baksheeva M. G. Comparative analysis of Khanty and Russian toponyms with the semantics of space (on the example of the lower Irtysh region and the lower Ob region) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (4): 641–649.

Введение

Пространство в своём изначальном значении – одна из основных форм существования материи. Оно выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов. Важнейшей чертой пространства является трёхмерность. Оно имеет три направления: 1) влево – вправо; 2) вперёд – назад; 3) вверх – вниз. Все они наглядно выражаются тремя взаимно перпендикулярными линиями. Двигаясь параллельно им, можно пространственно определить любое тело [11, 18].

Пространство – важный параметр материального мира, в котором отражается физическое, духовное и социальное бытие человека. Будучи универсальной категорией, оно имеется во всех языках мира, в то же время у разных этносов способы репрезентации пространственных отношений национально специфичны.

Общая семантика категории локативности включает в себя три компонента: локализуемый объект, пространственное отношение, связывающее локализуемый объект и локализатор [17, 8].

Категория локативности (пространства) представляет собой комплекс разноуровневых средств (лексических, грамматических, синтаксических), отражающих в языке определённые варианты локализации: событийно-ситуативный, предметно-соотносительный, параметрический и субъектно-ориентированный. В них прослеживается целевая установка говорящего, обусловленная восприятием внешнего мира, и определяется роль языковых факторов. Понятийная основа локативности соотносится с предметами и явлениями объективной действительности и определяет место протекания событий, движение, положение предметов по отношению друг к дру-

гу, к субъекту, их границы, размеры [18, 7–8].

В топонимах пространственные отношения представлены шире, чем в других лексических рядах, поскольку основным назначением географических названий является указание на местоположение того или иного объекта. Географические названия как обозначения реально существующих предметов, с одной стороны, отражают объективно существующее пространство, с другой стороны, – индивидуальное восприятие его человеком.

Как и любые географические названия, топонимы с пространственной семантикой национально специфичны, отражают категоризацию пространства в языке. Изучение способов и средств выражения локативности способствует более глубокому пониманию пространственных отношений в языковой картине мира человека. Исследование, проведённое на материале топонимов разных языков, показывает этническую особенность восприятия человеком географического пространства, универсальное и специфичное в нём.

Категория пространства изучается представителями разных наук: философии, физики, социологии, психологии. Возросший интерес современной лингвистики к проблеме языковой категоризации привёл к появлению лингвистических научных исследований, посвящённых отражению категории пространства в языке: Т. Н. Малаяр [10], В. А. Плунгян [13], А. А. Зализняк [5], Л. Н. Федосеевой [18], Д. Ли [9], Ф. М. Лельховой [8], Э. Гениш [3], Д. М. Печко [12], S. Karabaeva [19], N. A. Shelikova [22], M. Lemmens [20], S. Zeman [23].

Репрезентации пространственных отношений в топонимии изучена в трудах Е. Л. Березович [1], С. П. Васильевой [2], Н. А. Прмановой [15], Е. Н. Поляковой [14], Ю. В. Зверевой [6; 7], А. М. Гребневой [4], А. Loma [21] и др.

Сопоставительные исследования топонимии разносистемных языков – одна из насущных проблем контрастивной лингвистики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления общих и различительных черт в контактной хантыйской и русской топонимии нижнего Прииртышья и нижнего Приобья.

Основные понятия в работе: *локативность* – категория пространства, *локализатор* – лексема, обозначающая объект – ориентир, *пространственная модель* – вербально выраженное представление человека о расположении объекта в пространстве, *словообразовательная модель* – схема образования топонима с пространственной семантикой. Топонимы хантыйского происхождения даются в русской адаптации в соответствии с их употреблением.

Материалы и методы

В работе рассмотрено более 150 топонимических единиц, репрезентирующих категорию пространства. Сбор топонимов осуществлялся полевым методом. Географические названия хантыйского происхождения собраны в период с 2003 по 2009 гг., на территории Нижнего Приобья в населённых пунктах: Красноленинский, Кышик, Пырь-ях, Кедровый, Нижние Нарыкары, Луговской, Нялино, Зенково, Тюли, Выкатной, Цингалы), русские – с 1998 по 2000 гг. в Нижнем Прииртышье: в городе Тобольск, деревнях: Санникова, Овсянникова, Ахманай, Малая Кугаева, Нижние Аремзяны, Кузьмина.

Онимы хантыйского происхождения являются русскими по употреблению. Процесс их перехода в русский язык сопровождался адаптацией на фонетическом и морфолого-словообразовательном уровнях. Вследствие этого семантика многих топонимов оказалась затемнена. Для анализа топонимического материала привлекались методы: этимологический, формантный, структурно-словообразовательный, семантический, сопоставительный, статистический.

В целях этимологизации названий использовалось издание «Хантыйско-русский словарь (казымский диалект)» В. Н. Соловар [16].

Результаты

В хантыйской топонимии Нижнего Прииртышья и сопредельной с ним территории локативные топонимы составляют значительную часть. Локализация в пространстве называемых ими объектов выражается лексическими (географическими терминами, лексикой с пространственной семантикой) и грамматическими средствами.

В большинстве онимов «зашифрованное» местоположение географических объектов определя-

ется по отношению к другим объектам, обозначения которых входят в состав названия. В структуре топонима они относятся к определяющей части и находятся в препозиции к определяемому компоненту-детерминативу, выраженному географическим апеллятивом.

В локативной топонимии хантыйского происхождения господствует предметно-соотнесительная пространственная модель (месторасположение предметов относительно друг друга). В её рамках выделяется 8 словообразовательных моделей. Анализируемые онимы адаптированы в русском языке. Русское освоение изменило структуру хантыйских названий, на русской почве их компоненты слились и стали единым словом. Хантыйские фонемы, отсутствующие в русском языке, были заменены русскими фонемами. Все это в целом затрудняет интерпретацию лексем. В этой связи в тех случаях, когда не представляется возможным достоверно семантизировать топоним, в работе даются предположительные варианты перевода.

1. «Географический термин + географический термин»: *Тывъега* ‘река у истока’ < *тый* ‘исток’ [16, 315] + *йухан* ‘речка’ [16, 100], *Мухтыегарт* ‘протока у излучины’ < *мухэт* ‘протока’ [16, 190] + *йохарт* ‘излучина’.

2. «Апеллятив + географический термин + географический термин»: *Евъюганкаль* ‘болото окунёвой реки’ < *йэв* ‘окунь’ [16, 103] + *йухан* ‘речка’ [16, 100] + *кал* ‘болото без леса’ [16, 111], *Шошъегатор* ‘озеро селезневой реки’ < *шош* ‘селезень’ + *йухан* ‘речка’ [16, 100] + *тор* ‘озеро’, *Кепытьегатор* букв. ‘котелок река озеро’ < *кэв пўт* ‘котелок’ [16, 134] + *йухан* ‘речка’ [16, 100] + *тор* ‘озеро’.

3. «Географический термин + географический термин + географический термин»: *Егатыйтор* ‘озеро в верховье реки’ < *йухан* ‘речка’ [16, 100] + *тый* ‘исток’ + *тор* ‘озеро’, *Илиёгантор* ‘озеро реки с живуном’ < *йилти* «живун» + *йухан* ‘речка’ [16, 100] + *тор* ‘озеро’, *Варъегантор* ‘озеро реки с рыболовным заграждением’ < *вар* ‘запор (рыболовная снасть)’ [16, 37] + *йухан* ‘речка’ + ‘тор’.

4. «Прилагательное + географический термин + географический термин»: *Васьюгантор* ‘озеро утиной реки’ < *васы* ‘утка’ [16, 38] + *йухан* ‘речка’ + *тор* ‘озеро’, *Ай-Евъегатор* ‘озеро маленькой окуневой реки’ < *ай* ‘маленький’ + *йэв* ‘окунь’ + *йухан* ‘речка’ + *тор* ‘озеро’.

5. «Географический термин + географический термин + географический термин»: *Киврынъегатывтор* ‘озеро у реки с родником в истоке’ < *киври* ‘родник’ + *йухан* ‘речка’ + *тор* ‘озеро’.

6. «Географический термин + апеллятив + географический термин»: *Ненсьюганлор* 'озеро двойной реки' (реки с раздвоенным руслом) < *номс* 'двойной, раздвоенный' + *йухан* 'речка' + *лор* 'заливной луг, сезонное озеро'.

7. «Прилагательное + географический термин»: *Итьях* < возможно, от *ит* числительное *один* [16, 75] + *йухан* 'речка', *Утьеган* возможно, 'река, на которой находится какой-либо предмет' < *ут* 'предмет, лицо' [16, 320] + *йухан* 'речка'.

8. «Апеллятив + географический термин»: *Шанисьюган* букв. 'спина река' < *шани* 'тыльная сторона предметов' [16, 357] + *йухан* 'речка'.

Отдельно отметим гибридную модель «гидроним хантыйского происхождения + русские суффиксы -ов- + суффикс -ск-: *Итьяховское* (болото) < *Итьях*.

В роли локализаторов в исследуемой топонимии чаще всего выступают обозначения рек: *юган/ега* < *йухан* 'речка', *яун* < *яун* 'река'.

Ориентир также может быть выражен названием части реки: излучины, истока, протоки, живуна (незамёрзающего места на реке): *ёгарт* < *йохарт* 'излучина'; *мый/тыв* < *мый* 'исток' [16, 315], *мухты* / *мухи* < *мухэт* 'протока' [16, 190], *ильпин* < *йилпи* 'живун'.

Татьюганъёгарт 'излучина реки, где сражались, воевали' < *тать* 'война, сражение' + *йухан* 'речка' + *йохарт* 'излучина', *Хульюгантыйкаль* 'болото у истока рыбной реки' + *хүл* 'рыба' [16, 353] + *йухан* 'речка' + *мый* 'исток' + *кал* 'болото без леса', *Егатыйтор* 'озеро у истока реки' < *йухан* 'речка' + *мый* 'исток' + *тор* 'озеро', *Ногоръюгантыйкаль* 'болото вершины кедровой реки' < *нохэр* 'кедровый' [16, 198], *Мухтыегарт* 'деревня у протоки' < *мухэт* 'протока' + *йохарт* 'излучина', *Ильпинсоим* 'ручей с живуном' < *йилпи* 'живун' + *сойэм* 'ручей'.

В топониме *Ненсьюганлор* 'озеро реки с раздвоенным руслом' зафиксирован ориентир *номс*¹ в русской адаптации, обозначающий форму русла.

Локализаторы, выраженные обозначением озера, редки, зафиксировано единственное название: *вору* < *воры* 'старица, озеро на месте бывшего русла реки' [16, 48]: *Ворупай* 'остров старицы' < *воры* 'старица, озеро на месте бывшего русла реки' + *пай* 'остров'.

Нерегулярно представлены ориентиры, обозначающие разновидности ручьёв: *соим* < *сойэм* 'ручей' [16, 283], *чум* < *чум* 'короткий ручей': *Соимтор* 'озеро ручья' < *сойэм* 'ручей' + *тор* 'озеро',

Ногорсоимъенг 'холм у кедрового ручья' < *нохэр* 'кедровый' + *сойэм* 'ручей' + возможно, *йенг* 'холм', *Чумьяк* 'река короткого ручья' < *ях* 'речка, ушедшая под землю' + *чум* 'короткий ручей'.

В единичном случае зафиксирован локализатор, возникший в результате метафорического переноса: *цоп* < *сапэл* 'шея' [16, 279], в топонимии обозначает сужающееся место на озере: *Ворцоп* 'перешеек озера' < *воры* 'старица, озеро на месте бывшего русла реки' + *сапэл* «шея».

Слова-ориентиры, выраженные обозначениями видов болот, – вторые по представленности в топонимах после обозначений рек: *каль* < *кал* 'болото без леса', *нюрам* 'болото': *Сезынгсоимкаль* 'болото ручья со слопцами' < *сесы* слопец (ловушка для ловли боровых животных и птиц) [16, 297] + *сойэм* 'ручей' + *кал* 'болото без леса', *Мозымсоимкаль* 'болото Назымского ручья' < *Мосэм (река) Назым* [16, 183] + *сойэм* 'ручей' + *кал* 'болото без леса', *Сыньюганкаль Большой* < *сыук* 'турпан' [16, 291] + *йухан* 'речка' + *кал* 'болото без леса' + *Большой*, *Емынгкальеган* 'река священного болота' < *йухан* 'речка' + *йемэн* святой, священный + *кал* 'болото без леса', *Кальюган* 'болотная река' < *йухан* 'речка' + *кал* 'болото без леса'.

Наряду с географическим апеллятивом *каль*, в качестве локализатора, обозначающего болото, используется термин *нер/нюрам* < *ньорэм* 'болото' [16, 224]: *Неръега* 'болотная река' < *ньорэм* 'болото' + *йухан* 'речка', *Нермынгтор* 'болотное озеро' < *ньорэм* 'болото' + *тор* 'болото'.

Локализация объекта относительно местности, в которой находится болото, выражается лексемой *ягур* < *ёкар* 'предболотье': *Ягурьях* 'река предболотья' < *ёкар* 'предболотье' < *ях* 'речка, ушедшая под землю'.

Географические объекты, типичные для данной местности, могут получать в названиях двойную локалитивность: *Киврынгъегатывтор* 'озеро у реки с родником в истоке', *Илиёгантор* 'озеро реки с живуном', *Варъегантор* 'озеро реки с рыболовным заграждением' и др. Такие названия обусловлены стремлением номинатора отразить в них точный «адрес» объекта.

Результаты взаимодействия хантыйского и русского языков в топонимии проявляются не только в русской фонетико-морфологической адаптации и структурном переосмыслении географических названий хантыйского происхождения, но и в образовании гибридных лексем на базе хантыйских

¹ Хантыйская лексема *номс* была адаптирована фонетически: звук *нь*, отсутствующий в русском языке, был заменён русским [н], сочетание последующих звуков оказалось неудобопроизносимым для русскоязычных людей, поэтому тоже было изменено: [о] заменён на [е], [м] – на [н]. В результате лексема *номс* трансформировалась в компонент *ненс* гидронима *Ненсьюганлор*

гидронимов: *Сыньюганкаль Большой* ‘болото турпаньей реки’.

Ряд топонимов содержит в качестве ориентиров наименования рельефа местности: *най* < *най* «бугор, пригорок, холмик, островок»: *Нанкнайсоим* ‘ручей с листовенничной сопкой’ < *наук* ‘лиственница’ + *най* «бугор, пригорок, холмик, островок’ + *сойэм* ‘ручей’, *Тохтымеипай* ‘гагарья сопка’ < *тохтэу* ‘гагара’ [16, 306] + *най* «бугор, пригорок, холмик, островок’, *Хышпайсоим* ‘ручей с песчаной сопкой’ < *хиш* ‘песок’ + *най* «бугор, пригорок, холмик, островок’ + *сойэм* ‘ручей’; *реп* < *реп* ‘гора’ [16, 277]: *Репъяха* ‘горная речка’ < *реп* ‘гора’ + *йухан* ‘речка’, *Репъеган* ‘горная речка’ < *реп* ‘гора’ + *йухан* ‘речка’; *шип* < *шип* ‘берег, яр у реки’ [16, 360]: *Чипъега* ‘река с высокими берегами’ < + *йухан* ‘речка’ + *шип* ‘берег, яр у реки’.

Группа топонимов, в которых локализация выражается с помощью лексики с пространственной семантикой, менее значительна. В ней выделяется модель «Стороны горизонта/пространственные координаты (север-юг, запад – восток)». Она отражена в единичном названии. На расположение географических объектов относительно сторон горизонта указывает лексема *морты* ‘южный’ < *морты* ‘южный’ [16, 182]: *Морд-Ега* ‘южная речка’ < *морты* ‘южный’ + *йухан* ‘речка’.

Пространственной модели «близость-удалённость/расположение объектов по горизонтали» соответствуют 10 названий.

Локализация относительно центра и края выражается термином *күтэп* ‘средний’: *Күтлопсоим* ‘средний ручей’ < *күтэп* ‘средний’ + *сойэм* ‘ручей’, *Күтолназым* ‘средний Назым’ < *күтэп* ‘средний’ < *Мосэм* (река) Назым.

Для обозначения места, в котором кто-то жил или что-либо находилось, хантыйском языке используется лексема *велты* ‘находиться; быть, есть (иметься)’ [16, 44]: *Вольсыях* ‘река, на которой что-то находилось или кто-то жил’ < + *йухан* ‘речка’ + *велты* ‘находиться; быть, есть (иметься)’.

Расположение географических объектов сзади, за другим объектом в хантыйской топонимии может обозначаться словом *шяни* ‘тыльная сторона предметов’: *Шанжъюган*, *Шшиъеган* ‘река, находящаяся позади стойбища’, букв. ‘со спины текущая река’ < *шяни* ‘тыльная сторона предметов’ + *йухан* ‘речка’.

Также зафиксировано наименование, содержащее лексему *паты* ‘дальняя сторона чего-либо’ [16, 244]: *Патсоим*, *Петенсоим* букв. ‘дальняя сторона ручей’ < *сойэм* ‘ручей’ + *паты* ‘дальняя сторона чего-либо’.

Топонимы, в которых пространственные отношения выражены грамматическими средствами, не зафиксированы.

Категория пространства в русских топонимах нижнего Прииртышья, так же, как и в хантыйских, выражается при помощи лексических и грамматических средств.

Грамматические средства, указывающие на пространственные отношения, используются в основном в рамках базовой для анализируемой территории модели – «*верх-низ*».

Выделены следующие словообразовательные модели локативных названий русского происхождения, они в основном представлены предложно-падежными конструкциями.

1. «Предлог + существительное/местный географический термин».
2. «Предлог + производное от местного географического термина».
3. «Предлог + прилагательное».
4. «Прилагательное + лексема с семантикой наименования отдельных частей, сторон объекта».
5. «Предлог + притяжательное прилагательное плюс предлог».
6. «Сращение предлога с именем существительным».

Пространственные отношения в русской топонимии выражаются также лексемами с пространственной семантикой (низ (нижний) – Низы, покос, верх (верхний) – Вершина, покос).

В качестве локализаторов выступают географические термины, лексемы с семантикой наименования отдельных частей, сторон объекта, притяжательные прилагательные с предлогами (под, при, по, на, меж/между); лексемы, обозначающие пространство: *низ* (нижний), *верх* (верхний).

В образовании микротопонимов используются два способа топонимобразования – префиксация и суффиксально-префиксальный способ. Предлоги и приставки, иногда осложнённые добавлением суффикса, переводят локальную и предметную номинацию в область собственно пространственных отношений.

Самая распространённая словообразовательная модель – использование приставки / реже предлога *под* в значениях: 1) направление или нахождение ниже чего-либо; 2) близость от чего-нибудь + существительное / прилагательное в форме В.п. или Т.п.

В основном подобного рода топонимы именуют сельскохозяйственные объекты, которые расположены вблизи / ниже / по направлению местного ойконимического, орографического, гидрографического, тельмографического объекта: *Под*

Старицей, луга; *Под Роцей*, поле, *Под Чувашиами* / *Подчуваши*, участок г. Тобольска; *Под Савиной*, пашня; *Под Пески*, урочище.

Приставка *под* используется гораздо чаще (15): *Подбор*, лес; *Подколок*, поле; *Подколок*, сенокос; *Подвереть* / *Подверетье*, покос; *Подпутик*, поле; *Подшлюза/Подшлюзы*, предместье, в г. Тобольске; *Подкрайняя Веретья*, поле и др. Топонимы с приставкой *под* образуются не только префиксальным способом, как представленные выше, но и префиксально-суффиксальным способом (28).

Под + (яж) *н*, семантика – признак или свойство, относящиеся к предмету, названному исходным словом: *Подсосняжная* грива, поле; *Подгуменная*, р.; *Подборный*, буерак; *Подувальная*, р. и др.;

Под + *иц* (суффикс придаёт существительным женского рода уменьшительно-ласкательное значение): *Подталица*, сенокос; *Подгорица*, покос; *Поддубровица*, озеро;

Под + *ј* (собиравательный суффикс, обозначающий место, названное производящей основой): *Подкряжье*, урочище; *Подгорье*, поле;

Под + *к* (возможно, здесь либо суффикс субъективной оценки, либо суффикс, указывающий на образование существительного женского рода от соответствующего имени существительного мужского рода – увал): *Подувалка*, р.

Под + (яж) *ок* (со значением уменьшительно-сти): *Подболоток*, урочище.

Предположительно, изначально все названия были предложно-падежными конструкциями, о чем свидетельствует название в двух вариантах: *Под Путик* / *Подпутик*, лес.

Значительно меньше зафиксировано локативных микротопонимов с использованием предлога/приставки *на-*, обозначающей ‘нахождение на поверхности места, пространства, в пределы которых направлено движение’ (13). Из них только два названия сельскохозяйственного объекта образованы префиксально-суффиксальным способом от географического термина *гора* по модели *на* + *н*: *Нагорная Пашня*, поле; *Нагорные*, сенокосы.

В составе предложно-падежных конструкций, помимо предлога *на*, используются существительные – *ил*, *луг*, *дуброва*, *перелив*, *корчевка*, *подрынки*, *бор* и прилагательные *нижний*, *широкий*: *На Подрынках*, сенокос; *На Подосиннике*, поле; *На Зарембу*, покос; *На Дуброве*, поле; *На Широку*, лес; *На Лугу*, покос.

Название поля *На Подосиннике* отсылает нас к модели «префиксация с использованием приставки *под*». Таким образом, можно констатировать двойную локативность для наименования.

Нечасто встречаются и микротопонимы, называющие сельско-хозяйственные объекты (поля, покосы) и образованные по модели *предлог (приставка) по* (употребляются при обозначении пространства, направления, траектории движения по его поверхности) + *прилагательное* (качественное / относительное / притяжательное), в том числе входящее в состав онима по типу словосочетания, или *существительное* (географический / местный географический термин).

Зафиксированы 7 названий, из них только одно образовано при помощи префиксального способа: *По Крутому*, поле; *По Старому Прогону*, поля; *По Северной Гриве*, поле; *По Стенной* (Гриве), поле и др.

Термин Низ функционирует в топонимической системе нижнего Прииртышья в двух формах – м.р. *низ* и ж.р. *низь*, обе формы встречаются в самостоятельном дискретном употреблении, обозначая соответствующие объекты по вертикали, отмечена и форма множественного числа (17): *Низ* / *Низь*, *болото*, *поле*; *Низы*, покос, низкое местечко и др.

Многочисленны (в исторических картографических материалах) и образованные от лексемы *низ* прилагательные, обозначающие объекты, находящиеся в низине, расположенные вниз по течению Иртыша: *Низовые*, покосы; *Нижные*, поля; *Нижное*, поле; *Нижны*, покосы, сенокос и др.

Противопоставлен низу термин *верх/вершина* (10) используемый в топонимообразовании региона как дискретно, так и посредством производных прилагательных: *Верх*, сенокос; *Верха*, высокое место; *Вершина*, поле, овраг, улица; *Верхняя*, речка; *Верховое*, озеро; *Высошное*, озеро и др.

Пространственная модель «*близость-удалённость / расположение объектов по горизонтали*» с точки зрения словообразовательной категории локативности, по сравнению с моделью «*верх-низ*», представлена 17 микротопонимами. Грамматические средства, указывающие на пространственные отношения в рамках базовой для анализируемой территории модели – «*близость-удалённость / расположение объектов по горизонтали*», в наших материалах с точки зрения словообразовательной категории локативности представлены следующими предложно-падежными конструкциями:

1. «Предлог + существительное/местный географический термин».
2. «Предлог + производное от географического термина прилагательное/прилагательное».
3. «Предлог + лексема с семантикой наименования отдельных частей, сторон объекта».
4. «Предлог + притяжательное прилагательное».

5. «Сращение предлогов с именем существительным.

Нечасты в наших материалах топонимобразование по модели «приставка/предлог *за*, обозначающая ‘нахождение по ту сторону или за пределами того, что названо исходным словом’ + существительное (орографический / гидрографический объект) префиксально-суффиксальным способом: *Заозерный*, луг; *Заурман*, болото; *Заболотье*, местность; *За Канавой*, сенокосный участок;

Три названия сельско-хозяйственных объектов, зафиксированные в наших материалах, образованы по модели «приставка/предлог *меж/между* + географический/местный географический термин»: *Между Озёр*, покос; *Межколки*, покос; *Межуречки*, поле.

Всего 2 топонима образованы с использованием приставки / предлога *при*, которые могут обозначать пространственную смежность объектов, непосредственную близость (=возле, у) + существительное / прилагательное: *Пригорное*, поле; *При луки*, место.

Пространственная модель «*стороны горизонта / пространственные координаты (север-юг, запад – восток)*»

Данная модель представлена в наших материалах тремя наименованиями: *Северный*, лог; *Северная*, р.; *Северная*, губа.

Микротопонимы образованы способом топонимической конверсии.

Обсуждение и заключение

Сопоставление топонимов с пространственной семантикой хантыйского и русского происхождения привело к следующим выводам.

1. Категория локативности в хантыйской и русской топонимии выражается лексическими и грамматическими средствами. В русской топонимии преобладают грамматические, а в хантыйской – лексические.

2. Для топонимии хантыйского и русского языков характерны пространственные модели: «*Стороны горизонта / пространственные координаты*», «*Близость-удалённость / расположение объектов по горизонтали*». При этом в русской топонимии

они составляют основу, а в хантыйской находятся в меньшинстве. Основной для последней является предметно-соотносительная пространственная модель (месторасположение предметов относительно друг друга).

3. Выявлены различия топонимических словообразовательных моделей.

4. Типичными для хантыйского языка являются многокомпонентные конфигурации с географическим апеллятивом в качестве детерминанта. Для русского языка – предложно-падежные конструкции. Они отражают специфику словообразования в хантыйском и русском языках. Основным способом образования хантыйских онимов является словосложение, русских – префиксация и суффиксация.

5. Различия наблюдаются также в характере локализаторов: в хантыйских онимах ориентир в основном выражены терминами, обозначающими различные виды географических объектов; в русской топонимии преобладают предлоги/приставки с пространственной семантикой. При этом отметим, что лексемы со значением пространства представлены в сопоставляемых топонимах одинаково нерегулярно.

6. Категория пространства имеет ярко выраженную этническую специфику, отражает мировидение людей, сформированное под влиянием природной среды, религиозных представлений, исторических и экономических условий.

7. Господство модели «Локализация в пространстве» в хантыйской топонимии, в отличие от русской, где ядерной является оппозиция «Верх-низ», может быть объяснено тем, что в соответствии со спецификой традиционного хозяйствования ханты осваивали всё географическое пространство, которое вмещало их промысловые угодья, абсолютная зависимость от природы делала для них важным каждый географический объект, отсюда и широкая представленность названной модели, дающей точную характеристику местоположения объекта. Для русских номинаторов важным было отразить в названии расположенность объекта по особенностям ландшафта и близости / удалённости объектов относительно друг друга.

Список источников и литературы

1. Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: этнолингвистические исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. 340 с.
2. Васильева С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: дис. ... д. филол. наук. Красноярск, 2006. 326 с.
3. Гениш Эйюп. Пространственные отношения в турецком языке // Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура. М.: РУДН, 2016. С. 317–321.
4. Гребнева А. М., Казаева Н. В., Натуральнова Г. А. Пространственная лексика и её роль в формировании мордовской топонимической системы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 4. С. 559–567.
5. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.

6. Зверева Ю. В. Отражение пространственной модели «ВЕРХ/НИЗ» в микропонимии Пермского края // Филологические заметки. 2019. Т. 2. № 17. С. 123–136.
7. Зверева Ю. В. О некоторых пространственных моделях в микропонимии Пермского края // Научный диалог. 2019. № 1. С. 36–49.
8. Лельхова Ф. М. Глагольно-именные послеложные словосочетания, выражающие пространственные отношения в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2012. № 2 (9). С. 58–63.
9. Ли Д., Кобозева И. М. Контрастивное исследование пространственных конструкций НА NP LOC в русском языке и 在 NP 上 в китайском языке в когнитивном аспекте // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 4. С. 114–130.
10. Малиар Т. Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий: дис. ... д. филол. наук. Москва, 2001. 389 с.
11. Панкова С. Ю. Пространство и время в этнической картине мира. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2012. 236 с.
12. Печко Д. М. Лексико-семантические средства выражения локативности в художественном тексте // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2019. № 3 (101). С. 131–135.
13. Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом «под»: прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления // Welt der Slaven-Halbjahresschrift für Slavistik. 2014. Т. 59. № 1. С. 22–56.
14. Полякова Е. Н. Слово СОГРА в пермских памятниках XVII века и в современных говорах Пермской области. Региональная лексикология и ономастика. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2006. С. 125–132.
15. Прманова Назия А. Пространственные маркеры ойконимической картины мира // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, Кн. 6. С. 184–190.
16. Соловар, В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: Формат, 2014. 386 с.
17. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.
18. Федосеева Л. Н. Пространственные отношения в современном русском языке (семантика и средства выражения): дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 211 с.
19. Karabaeva S. Presentation of spatial-temporal relations in Kyrgyz language // Труды международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2016. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 274–277.
20. Lemmens M. The Semantic Network of Dutch Posture Verbs. The Linguistics of Sitting, Standing, and Lyinged. J. Newman. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 2002. Pp. 103–139.
21. Loma Aleksandar. Die Donau(en) des Slavischen Volksliedes und die Frühen Kenntnisse Der Slaven über den Donaauraum // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 62–77.
22. Shelikova N. A., Kharchieva M. R., Guseynova M. M., Kurbetova R. F., Zalova I. M. Features of spatial localization in German and caucasian languages // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 409–411.
23. Zeman S. More than «time»: The grammaticalisation of the German tense system and «frame of reference» as a crucial interface between space and time // Space and time in languages and cultures. Luna Filipović, Kasia M. Jaszczolt. Amsterdam; Philadelphia, 2012. Vol. 36: Linguistic diversity. Pp. 157–180.

References

1. Berezovich E. L. *Toponimija Russkogo Severa: jetnolingvističeskie issledovanija* [Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic Studies]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gos. un-ta Publ., 1998. 340 p. (In Russian)
2. Vasilyeva S. P. *Russkaja toponimija Prienisejskoj Sibiri: kartina mira* [Russian toponymy of the Yenisei Siberia: picture of the world]. Krasnoyarsk, 2006. 326 p. (In Russian)
3. Geniş Jejjup. *Prostranstvennye otnošenija v tureckom jazyke* [Spatial relations in the Turkish language]. *Sovremennye problemy tjurkologii: jazyk – literatura – kul'tura* [Modern problems of Turkology: language – literature – culture]. Moscow: RUDN Publ., 2016. pp. 317–321. (In Russian)
4. Grebneva A. M., Kazaeva N. V., Naturalnova G. A. *Prostranstvennaja leksika i ee rol' v formirovanii mordovskoj toponimicheskoj sistemy* [Spatial vocabulary and its role in the formation of the Mordovian toponymic system]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, no. 13 (4), pp. 559–567. (In Russian)
5. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Ključevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2005. 540 p. (In Russian)
6. Zvereva Yu. V. *Otrazhenie prostranstvennoj modeli "VERH/NIZ" v mikrotoponimii Permskogo kraja* [Reflection of the spatial model "TOP/BOTTOM" in the microtoponymy of the Perm Region]. *Filologičeskie zametki* [Philological Notes], 2019, no. 2 (17), pp. 123–136. (In Russian)
7. Zvereva Yu. V. *O nekotoryh prostranstvennyh modeljah v mikrotoponimii Permskogo kraja* [About some spatial models in microtoponymy of the Perm Region]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2019, no. 1, pp. 36–49. (In Russian)
8. Lelkhova F. M. *Glagol'no-imennye posleložnye slovosocetanja, vyražajushhie prostranstvennye otnošenija v hantyskom jazyke* [Verb-nominal post-syllabic phrases expressing spatial relations in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2012, no. 2 (9), pp. 58–63. (In Russian)
9. Li D., Kobozeva I. M. *Kontrastivnoe issledovanie prostranstvennyh konstrukcij NA NP LOC v russkom jazyke i 在 NP 上 v kitajskom jazyke v kognitivnom aspekte* [Contrastive study of spatial constructions in NP LOC in Russian and in Chinese in the cognitive aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija* [Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology], 2020, no. 4, pp. 114–130. (In Russian)

10. Malyar T. N. *Konceptualizacija prostranstva i semantika anglijskih prostranstvennyh predlogov i narechij* [Conceptualization of space and semantics of English spatial prepositions and adverbs], Moscow, 2001. 389 p. (In Russian)
11. Pankova S. Yu. *Prostranstvo i vremja v jetnicheskoj kartine mira* [Space and time in the ethnic picture of the world]. Yuzhno-Sakhalinsk: izd-vo SahGU Publ., 2012. 236 p. (In Russian)
12. Pechko D. M. *Leksiko-semanticheskie sredstva vyrazhenija lokotivnosti v hudozhestvennom tekste* [Lexical and semantic means of expression of locativeness in a literary text]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija 1. Pedagogika. Psihologija. Filologija* [Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology], 2019, no. 3 (101), pp. 131–135. (In Russian)
13. Plungyan V. A., Rakhilina E.V. *Semantiko-sintaksicheskie svojstva russkih konstrukcij s predlogom "pod": prjamye (prostranstvennye) i perenosnye (vremennye) upotreblenija* [Semantic and syntactic properties of Russian constructions with the preposition "under": direct (spatial) and figurative (temporal) uses]. *Welt der Slaven-Halbjahresschrift fur Slavistik* [Welt der Slaven-Halbjahresschrift fur Slavistik], 2014, no. 59 (1), pp. 22–56. (In Russian)
14. Polyakova E. N. *Slovo SOGRA v permskih pamjatnikah XVII veka i v sovremennyh govorah Permskoj oblasti* [The word SOGRA in the Perm monuments of the XVII century and in the modern dialects of the Perm region]. *Regional'naja leksikologija i onomastika* [Regional lexicology and onomastics]. Perm: Izd-vo Permskogo gos. un-ta Publ., 2006. pp. 125–132. (In Russian)
15. Prmanova Naziya A. *Prostranstvennye markery ojkonomicheskoj kartiny mira* [Spatial markers of the oikonymic picture of the world]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of the Kazan University], 2011, no. 153 (6), pp. 184–190. (In Russian)
16. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Tyumen: Format Publ., 2014. 386 p. (In Russian)
17. *Teorija funkcional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Posessivnost'. Obuslovlennost'* [The theory of functional grammar. Locativeness. Beingness. Possessiveness. Conditionality]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1996. 229 p. (In Russian)
18. Fedoseeva L. N. *Prostranstvennye otnoshenija v sovremennom russkom jazyke (semantika i sredstva vyrazhenija)* [Spatial relations in the modern Russian language (semantics and means of expression)]. *Elets*, 2004. 211 p. (In Russian)
19. Karabaeva S. *Presentation of spatial-temporal relations in the Kyrgyz language* [Presentation of spatial-temporal relations in the Kyrgyz language]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii po komp'juternoj i kognitivnoj lingvistike. TEL-2016* [Proceedings of the International Conference on Computational and Cognitive Linguistics TEL-2016]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta Publ., 2016. pp. 274–277. (In English)
20. Lemmens M. *The Semantic Network of Dutch Posture Verbs*. The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. Ed. J. Newman. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002. pp. 103–139. (In English)
21. Loma Aleksandar. *Die Donau(en) des Slavischen Volksliedes und die Frühen Kenntnisse Der Slaven über den Donaauraum*. *Voprosy onomastiki*, 2018, no. 15 (3), pp. 62–77. (In German)
22. Shelikova N. A., Kharchieva M. R., Guseynova M. M., Kurbetova R. F., Zalova I. M. Features of spatial localization in German and Caucasian languages. *The world of science, culture, and education*, 2019, no. 4 (77), pp. 409–411. (In English)
23. Zeman S. More than «time»: The grammaticalisation of the German tense system and «frame of reference» as a crucial interface between space and time. *Space and time in languages and cultures*, 2012, no. 36: Linguistic diversity, pp. 157–180. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исламова Юлия Валерьевна, доцент кафедры русского языка и литературы, Югорский государственный университет (628012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16), кандидат филологических наук.

islyv@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-3752-8418

Бакшеева Марина Геннадьевна, доцент кафедры русского языка и литературы, Югорский государственный университет (6280012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16), кандидат филологических наук.

Baksheeva.Marina@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-3248-165X

ABOUT THE AUTHORS

Islamova Yulia Valeryevna, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Yugra State University (628012, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhova st., 16), Candidate of Philological Sciences.

islyv@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-3752-8418

Baksheeva Marina Gennadyevna, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Yugra State University (6280012, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhova st., 16), Candidate of Philological Sciences.

Baksheeva.Marina@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-3248-165X